

Матросик в Англии: К вопросу рецепции педагогических практик Толстого

Anna Maslenova (Moscow, Exter)

A Russian Sailor in England: To the Issue of the Pedagogical Practices of Tolstoy

Резюме. Статья посвящена истории русско-английской писательницы и переводчицы Надежды Жаринцовой, попытавшейся опробовать современные педагогические методики на сбежавшем с броненосца «Потемкин» матросе, случайно добравшемся до ее дома в Англии. Интерес представительницы русской колонии к вопросам образования объясняется ее близким знакомством с толстовцами, в частности с Владимиром Чертковым, а также участием женщины в жизни Бидельской школы нового образца. В работе предпринята попытка восстановить хронологию жизни матроса и Жаринцовой, а также взглянуть на то, как конкретный эпизод из жизни Жаринцовой встраивается в общий контекст русско-английских связей начала XX в.

Ключевые слова. Толстовство, Бидельская школа, Россия, Англия, образование, педагогические практики, броненосец «Потемкин», матрос.

Abstract. The paper deals with a story of Anglo-Russian writer and translator, Nadine Jarintzoff, who endeavored to use the modern educational techniques on a sailor from the Battleship Potemkin accidentally reached her English house. The interest of Russian colony resident to educational questions can be explained by her close connections with tolstoyans, particularly with Vladimir Tchertkov, as well as by her participation in a life of Bedales school. The paper recreates the chronology of sailor's and Jarintzoff's lives and shows how this case fits into the general context of Anglo-Russian relationships in the beginning of XX century.

Keywords. Tolstoyanism, Bedales, Russia, England, educational techniques, Battleship "Potemkin", sailor.

Ранней весной 1906 г. в небольшом английском городке Питерсфилд одинокий матрос постучал в дом номер 68 на Стейшн Роуд. Дверь открыла 35-летняя *маленькая женщина*¹, в тот же день сообщившая о нежданном госте в письме своей приятельнице:

Глубокоуважаемая Анна Константиновна,

Позвольте обратиться к Вам с вопросом:

Сегодня утром к нам случайно добрался матрос с «Потемкина» — по-видимому хороший и смысленный малый. Он без денег, пищи и крова — единственное имя, знакомое ему в Англии — Ваше, куда он и мечтает пробраться. Дня три я его могу снабдить углом, пищей и работой — а затем — что мне с ним делать? [Жаринцова 3347: 12 об.]

Придумать ответы на эти непростые вопросы *маленькой женщине* удалось без особого труда. С матросом хозяйка дома и все его обитатели «совсем “сошлись характерами”», и потому было принято решение, что гость останется с ними «навсегда» и будет работать «садовником и вообще по хозяйству»: «У нас оказалось столько работы по дому, что у матросика совсем полны руки!» [Жаринцова 3347: 13 об.], — читаем в следующем письме. К дому начинают при-страивать новую комнату.

Однако у выпавшего на долю матроса «навсегда» была своя цена. Вместо классического *любовного* сюжета, которого можно было бы ожидать, матрос попал в сюжет *педагогический*. *Маленькая женщина*, Надежда Жаринцова, оказалась страстным толстовцем, попытавшимся опробовать на попавшем к ней в руки *noble savage* практические советы по крестьянскому образованию. Педагогические книги и брошюры были легкодоступны для Жаринцовой благодаря деятельности главного последователя Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, проживавшего на тот момент в Англии. Чертков был вынужден покинуть Россию из-за обвинения в пропаганде и незаконном вмешательстве в дела

---

¹ Определение «маленькая» Н. Жаринцова использует в качестве постоянного эпитета при описании героини в автобиографическом рассказе «Шесть лучей» [Жаринцова 1909].

духоборов: Толстой и Чертков оказали существенную помощь при сборе пожертвований для эмиграции сектантов в Канаду. Постановление о ссылке в Сибирь, вынесенное Черткову, было заменено на бессрочную высылку из страны по просьбе императрицы, находившейся в дружеских отношениях с его матерью. В Англии Чертков продолжил издавать запрещенные в России брошюры Толстого: на смену издательству «Посредник» приходит «Свободное слово». Жаринцова неоднократно обращалась к Черткову с просьбой прислать ей работы Толстого, а с женой издателя, Анной Константиновной, она состояла в постоянной дружеской переписке и делилась подробностями педагогического эксперимента с матросом.

Прежде чем перейти к более подробному изложению возникших на пути Жаринцовой трудностей, необходимо кратко рассказать о том, кем же была эта *маленькая женщина*. В истории русской литературы она известна, главным образом, как переводчица произведений Дж. К. Джерома: «Втроем по Темзе», «На подмостках», «Новый способ писать романы», «Праздные мысли лентяя», «Втроем на четырех колесах», «Павел Кельвер» и др. Благодаря усилиям Жаринцовой была поставлена пьеса Джерома «Женская логика» на сцене Малого театра в Москве [Жаринцова 1391: 1–16 об.]. Именно в петербургском доме Жаринцовых (Надежда состояла в гражданском браке с Дмитрием Федоровичем Жаринцовым, генерал-майором императорского флота, который был старше супруги на 27 лет) английский писатель останавливался во время своего русского путешествия, о чем вспоминает в книге «Моя жизнь и время» (глава IX «Автор за границей») [Джером 2014]. Гораздо меньше известно о писательских опытах Жаринцовой: ее автобиографическом произведении «Шесть лучей», нескольких рассказах (например, «Монах» [Жаринцова 1909а: 2]), напечатанных в газете «Голос Москвы», где Надежда публиковала с 1908 по 1912 г. статьи о жизни в Англии в качестве зарубежного репортера, историях для детей («Четыре рассказа на разный лад» [Жаринцова 1898]), а также назидательной повести «Старые идеалы» [Жаринцова 1898а],

в которой писательница затрагивает вопрос женского полового воспитания. Эту тему Жаринцова поднимает не только в художественных произведениях: в 1905 г. выходят ее книги «Как все на свете рождается. Письмо детям» [Жаринцова 1905] и «Объяснение полового вопроса детям. Письмо к некоторым русским родителям» [Жаринцова 1905a].

Интерес к педагогическим вопросам связан как с увлечением поздним творчеством Толстого, так и с активным участием Жаринцовой в деятельности Бидельской школы, в которой с 1899 г. учился ее сын. Bedales, английская школа нового образца, была основана в 1898 г. Джоном Бэдли, во всем следовавшем девизу «Воспитание головы, руки и сердца» (“Head, hand and heart”). Школа-интернат предполагала совместное воспитание мальчиков и девочек, объединенных в небольшие группы (10—12 человек) для выполнения коллективной физической работы, управлением которой занимались сами дети. Об основных принципах школы Надежда рассказывает в книге «Новая школа в Англии и в России» [Жаринцова 1901].

Воспитательная система Bedales была очень близка толстовским взглядам на образование. Ими Надежда и поделилась с писателем, отправив ему свою книгу о школе и перевод пьесы Джерома «Женихи и невесты». В ответном письме Толстой поблагодарил Надежду «за присылку книг»: «<...>Я с большим интересом прочел описание Бидельской школы, тем более что в настоящее время отчасти занят вопросом воспитания. В практике Бид[ельской] школы есть много очень хорошего и поучительно-го» [Толстой 1954: 76]. Однако об образовательных экспериментах Бидельской школы Толстой впоследствии вспомнит в письме к Софье Андреевне с иронией: «Необходимость ходить за собой и выносить свои нечистоты признана всеми лучшими школами, как Bedales, где сам директор школы принимает в этом участие» [Толстой 1954: 241]. Насмешливый тон Толстого можно объяснить его несогласием с отношением к религии, которого придерживались в Bedales: «<...> есть существенный, по моему мнению, недостаток, состоящий в том, что считается возможным обойтись

без религиозного воспитания. Религиозные вопросы детей требуют ответов. И ответы, кот[орые] дадутся на эти вопросы, важнее всех других предметов вместе» [Толстой 1954: 76], — пишет Толстой Жаринцовой. Отношение же Надежды к религии было бескомпромиссно негативным, о чем она открыто заявляет в статье «The life of the Russian clergy: incidents and characteristics», опубликованной в «Hibbert Journal». Жаринцова рассказывает об ужасах жизни учащихся в бурсе и пишет:

The form of religion with which the Church has to do is a blend of fetishism, ignorance, superstition, mingled with traces of artistic feeling. Educated society is drifting away from the ignorant clergy, who now in consequence begin to demand reform. But nothing will reform them until fresh currents of intellectual life flow freely in their midst [Jarintzoff 1912: 581]².

Распространение антирелигиозных настроений повлекло за собой поиск иных подходов в образовании и появление школ нового образца не только в Англии, но и в России. Так, мадам Левицкая, вдохновленная опытом Бидельской школы, которую впервые посетила вместе с Жаринцовой, открыла похожее учебное заведение в Санкт-Петербурге, чему посвящена анонимная статья «Bedalianism in Russia and Madame Levitzky's school» [Bed. in Russia 1908: 97], опубликованная в «Bedales Chronicle» и, вероятно, переведенная с русского языка Жаринцовой, регулярно печатавшей в школьном журнале свои тексты.

Попавший в дом Жаринцовых матрос предоставлял Надежде соблазнительную возможность опробовать на практике современные педагогические методики. Важно подчеркнуть, что решение оставить гостя у себя и нагрузить его домашними делами было совсем невыгодно с финансовой точки зрения: «<...> и без того его полная обмундировка и пища стоили гораздо больше, чем

² «Та форма религии, которую навязывает институт церкви, представляет собой смесь фетишизма, невежества и суеверия со следами творческого начала. Просвещенное общество отделяется от невежественного духовенства; вследствие этого церковь начинает требовать реформ, однако ждать перемен бессмысленно до тех пор, пока новые потоки интеллектуальной жизни не потекут свободно в церковной среде» (перевод наш. — А. М.).

обошлась бы его работа в руках приходящего англичанина» [Жаринцова 3347: 34 об.], — отмечает Жаринцова в одном из последних писем Чертковой. В первых же полная энтузиазма Надежда с гордостью пишет, что «<...> Толстого он (матрос. — А. М.) читал как “Толстовец” по нашим брошюрам с увлечением и пониманием в первейший же вечер» [Жаринцова 3347: 28 об.]. Жаринцова всерьез берется за обучение матросика: «Учу его по-английски, отчасти пользуясь Вашим учебником. Он успевает массу читать, любит литературу — все его одобряют» [Жаринцова 3347: 28 об.]. Скрипачка Жаринцова, окончившая музыкальное училище и петербургскую консерваторию, выписывает у Чертковых сборники народных песенок: «С искренней благодарностью посылаю при сем плату за прекрасный сборник песен. Мы с мальчиками уже поем несколько из них и очень увлекаемся. И какое чудесное издание!» [Жаринцова 3347: 1 об.]. Жаринцова ведет с матросиком разговоры *по душам*, во время которых мужчина «кается», «выливает всю свою русскую душу и просит выслушивать от него откровенности» [Жаринцова 3347: 16 об.]. Во время бесед матрос признает, что не может побороть тоски в новой иноземной обстановке и готов даже вернуться в Россию, что заставляет Жаринцову задуматься о поисках более подходящей для него среды:

<...> ведь есть в мире одно русское царство, где хорошая думающая русская натура может найти удовлетворение: его и самого тянет к духоборам, в Канаду. Слышал он, что туда можно доехать даром в качестве матроса на судне, а их общее равенство привлекает его больше всего (хотя он, кажется, ошибается, думая, что там “и жены, и мужья общие”?) [Жаринцова 3347: 16 об.].

Проскальзывающее в первых письмах недоумение, вызванное волнующим матроса половым вопросом, постепенно перерастает в серьезное беспокойство Надежды: «Сначала все сводилось к тому, что у нас ему “и прекрасно, и он крайне благодарен” и т.д. — но — он “не монах, а тут чувствует себя как в монастыре”, что “женщины тут страшно дороги” и т. п.» [Жаринцова 3347: 16 об.]. Решение Жаринцовой отправить матроса к духоборам во многом объясняется именно этим: «Видимо, что при его здоровой

натуре половые отношения представляют трудный вопрос; и русское поселение может быть единственным местом, где он нашел бы себе жену» [Жаринцова 3347: 18 об.]. Однако воплотить идею не получается, поскольку половой вопрос осложняется пагубной склонностью матросика к выпивке, «к которой его неудержимо тянет по временам по матросской привычке» [Жаринцова 3347: 18 об.]. До конца остается неясно, то ли матрос самостоятельно сбежал из дома Жаринцовой, где царили слишком строгие нравы, то ли терпение хозяйки оказалось не безграничным, и гостя выгнали, — однако из последнего среди сохранившихся писем, имеющих отношение к истории матросика, мы узнаем, что 50 шиллингов и «целый чемоданчик вещей», которыми матроса снабдила Надежда, тот пропил, посягнув к тому же на щедрость и гостеприимство Чертковых: он заявился к ним домой и попытался занять денег. Педагогический эксперимент закончился прискорбно: брошюры, выпускаемые «Свободным словом», статьи и рассказы Толстого, личные советы Чертковых, пример Бидельской школы — все оказалось бессильным в попытках Жаринцовой сделать из простого русского матроса воспитанного английского джентльмена. «Тут, видно не помочь нам с Вами; попадет он в Россию, или нет — сопьется» [Жаринцова 3347: 21 об.], — с грустью заключает Надежда.

Однако до России матросу добраться все-таки удалось. В письмах Надежда упоминает имя мужчины — Сергей. Среди членов экипажа броненосца «Потемкин» было несколько грамотных и неженатых кандидатов на роль нашего *матросика*, однако лишь один из них побывал после восстания в Англии. По счастливому стечению обстоятельств этот матрос, Сергей Петрович Токарев, оставил воспоминания о бунте на броненосце и о дальнейших событиях. «Потемкин» несколько раз пытался пристать к берегам Одессы и остановился в итоге в Констанце, откуда был разрешен бесплатный проезд по всей Румынии. 50 человек, в числе которых был Сергей, устроились к одному из местных помещиков на полевые работы. Труд, как отмечает Токарев, был тяжелым и низкооплачиваемым, поэтому матросы «стали разбегаться, кто

куда». Токарев с несколькими товарищами отправился в Галац на Дунае, где занимался погрузкой досок, после чего вернулся в Констанцу и поступил на работу в котельную. Бывший матрос отмечает, что «заработок <был> маленький, рабочие не были организованы (профсоюзов не было), а капиталистам это было на руку» [Токарев 1937: 65]. В воспоминаниях Токарев указывает, что события происходили в 1906 г., однако к тому времени в Констанце уже существовали профсоюзные организации портовых рабочих. Соответственно, восстанавливая последовательность событий, матрос опережает календарное время на год. Если принять во внимание чрезвычайную насыщенность жизни Токарева, путаница не покажется удивительной. После кратковременного пребывания в Констанце Токарев отправляется на Дунай в г. Брэила, где попадает в водоворот крестьянских восстаний. Бывшего матроса арестовывают и отправляют в тюрьму до момента окончания бунта. Выезд из города был запрещен, однако Токареву удается устроиться матросом на австрийский пароход, направляющийся в Роттердам. Из Голландии судно направлялось в Англию, о чем матрос вспоминает лишь то, что был там недолго и устроился кочегаром на норвежский пароход, плывущий в Испанию. В Барселоне Токарева увольняют и сажают в тюрьму по подозрению в организации взрыва, устроенного местными анархистами. После освобождения он попадает в Марсель, затем бродяжничает в Бельгии, где его арестовывают и высылают в Германию. Оттуда бывшего матроса хотят отправить в Россию, но во время следствия он рассказывает трогательную историю своей жизни, и проникшиеся симпатией немцы предлагают матросу остаться подданным Германии. Токарева отправляют на стекольный завод, где он работает вместе с другими русскими мастерами, бежавшими из страны во время революции в 1905 г. Спустя четыре месяца спокойной жизни в Германии Токарев отправляется в Кардиф, где устраивается матросом на пароход, отплывающий в Америку. Оказавшись в Нью-Йорке, он знакомится с местными русскими и вступает в профсоюз моряков. «А когда в 1917 г. свергли кровавого царя Николая, я вернулся на родину

в Россию» [Токарев 1937: 66], — заканчивает свой рассказ Одиссей с броненосца «Потемкин».

О событиях дальнейшей жизни матроса *маленькая женщина* ничего не знала, однако, создавая на основе реальной истории рассказ, опубликованный 8 февраля 1909 г. в «Голосе Москвы», Жаринцова завершает его той же страстной идеей матроса о возвращении на родину: «Хоть на каторгу, только в Россию» [Жаринцова 1909б: 2]. В тексте Надежда отделяет себя от главной героини, указывая, что описываемая история произошла с ее знакомой, а также существенно меняет образ матроса, который назван в произведении Елисеем. Герой прибывает в Англию уже будучи толстовцем: «Об убеждениях своих он настойчиво подтвердил, что он “толстовец”, не пьет, не курит и вообще сделался человек с тех пор, как познакомился с мыслями Льва Николаевича» [Жаринцова 1909б: 1]. Матрос направляется в толстовскую колонию, но вынужден искать заработок, чтобы оплатить дорогу. По профессии он хлебопек, готовящий чудесный черный хлеб, по которому семья героини рассказа явно скучает в Англии. Однако берут его на работу именно потому, что он толстовец, причем уговаривают героиню оставить матроса дети: «Возьми его, мама, на работу, возьми! Видишь, он толстовец, он будет отлично работать в саду!..» [Жаринцова 1909б: 1]. В итоге Елисей остается: «Одно время все так стало ладно и мирно, что изобретено было на общем “совете”, что Елисей останется у нас навсегда. Толстого он мог читать и здесь сколько угодно; был теплый, чистый угол, были у него какие-то друзья в Англии, с которыми он переписывался» [Жаринцова 1909б: 1]. Болезненный половой вопрос, с которым столкнулась Жаринцова в жизни, иронически обыгрывается в рассказе: героиня подозревает, что матрос пристает к горничной, однако Елисея как истинного толстовца интересует лишь борьба с религиозными предрассудками прислуги (идеи, явно разделяемые самой Надеждой):

- Елисей, вы помните, о чем я вас просила относительно девушек?
- Да! А что такое?

- Чем же Алиса так оскорблена?
- Ах, ты, черт! Вот глупая! Да я ними только иной раз содержательный разговор заведу: они должны быть благодарны.
- Содержательный разговор? О чем же это?
- Да они тут в своих попов верят почище нашего темного крестьянина! Никакого развития!
- Так вы их просветить хотели? [Жаринцова 1909б: 2].

Неизменным оказывается пристрастие матроса к алкоголю, и толстовство не в силах победить этот недуг: Елисей начинает пить, и героиня выгоняет его из дома:

«На следующее утро он мрачен и уже не извиняется. Я даю ему немного денег и вещей. Потом случайно узнаю, что он добрался до Соутгемптона с пустыми руками, пьяный вдребезги, и, садясь на пароход, твердил: “Хоть в каторгу — лишь бы в Россию!..”» [Жаринцова 1909б: 2].

В написанном Жаринцовой рассказе героиня не озабочена педагогическими вопросами — матрос сам готов заняться образованием прислуги, он требует у хозяйки дома книг и даже отпускает фразы на французском. Рассказ был опубликован спустя три года после реальных событий. За это время от увлечения вопросами народного образования Надежда перешла к осмыслению национального характера и особенностей исторического развития России. Матрос в рассказе предстает наделенным колоссальной физической силой богатырем, который не может найти применения своим способностям в чужой стране, а потому тоскует по родине и начинает злоупотреблять алкоголем, а заодно терпением хозяйки дома. Елисей готов вернуться на родину даже под угрозой тюремного заключения. В противоречивости и склонности к крайностям (extremes) Жаринцова видит наиболее характерную черту русского народа. В 1910 г. Надежда выступила в Bedales с лекцией «Russia as a country of extremes», а в 1914 г. опубликовала книгу «Russia: The Country of Extremes» [Jarintzoff 1914]. В дальнейшем от размышлений об истории народа писательница перейдет к анализу национального характера, выраженного в языке — «The Russians and their language» [Jarintzoff 1916] — и в литературе, что повлечет за собой опыты поэтических переводов — «The Russian poets

and poems» [Jarintzoff 1917]. Впоследствии Надежда придет к выводу, что передать своеобразие русского характера в словесной форме практически невозможно, и посвятит книгу живописи Рериха [Jarintzoff 1920], сумевшего, на ее взгляд, в доступной представителям любой языковой культуры форме передать подлинную *русскую душу*. Попытки осмыслить своеобразие неуловимой «Russian soul» были широко распространены в Англии начала XX в., переживающей *Русскую лихорадку*, — повышенный интерес ко всему русскому. Надежда Жаринцова была одним из представителей интеллектуальной среды того времени, чей голос как представителя русской культуры имел значительный вес. Возможно, жизнь *маленькой женщины*, чье имя затерялось в анналах истории, была чуть менее богата внешними событиями, чем путь матроса Сергея, однако ее интеллектуальные и духовные поиски заслуживают пристального и вдумчивого анализа, предполагающего отдельное исследование.

СОКРАЩЕНИЯ

Джером 2014 — Джером Дж. К. Моя жизнь и время. М., 2014.

Жаринцова 1391 — Жаринцова Н. Письма. А. С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459 Оп. 1. Ед. хр. 1391.

Жаринцова 1898 — Жаринцова Н. Четыре рассказа на разный лад: для детей сред. возраста. СПб., 1898.

Жаринцова 1898а — Жаринцова Н. Старые идеалы // Северный вестник. 1898. № 6—7. С. 103—127.

Жаринцова 1901 — Жаринцова Н. Новая школа в Англии и в России. СПб., 1901.

Жаринцова 1905 — Жаринцова Н. Как все на свете рождается. Письмо детям. СПб., 1905.

Жаринцова 1905а — Жаринцова Н. Объяснение полового вопроса детям. Письмо к некоторым русским родителям. СПб., 1905.

Жаринцова 1909 — Жаринцова Н. Шесть лучей // Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к журналу «Нива». 1909. № 5.

Жаринцова 1909а — *Жаринцова Н.* Монах // *Голос Москвы*. 1909. № 271. 26 ноября.

Жаринцова 1909б — *Жаринцова Н.* Хоть на каторгу, только в Россию // *Голос Москвы*. 1909. № 31. 8 февраля.

Жаринцова 3347 — *Жаринцова Н.* Письма А. К. Чертковой // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3347.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Токарев 1937 — *Токарев С.* Воспоминания о восстании на броненосце «Князь Потемкин» // *Лычев И. А.* Потемкинцы: Воспоминания о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» 27/14 июня 1905. М., 1937. С. 60—66.

Толстой 1954 — *Толстой Л.* Письма 1901—1902 гг. // *Толстой Л.* Полное собрание сочинений: В 90 тт. Т. 73. М., 1954.

Bed. in Russia 1908 — *Bedalianism in Russia and Madame Levitzky's school* // *Bedales Chronicle*. 1908. Vol. 1. № 9. P. 97.

Jarintzoff 1912 — *Jarintzoff N.* The life of the Russian clergy: incidents and characteristics // *Hibbert Journal*. 1912. Vol. XI. № 3. Pp. 579—592.

Jarintzoff 1914 — *Jarintzoff N.* Russia: The Country of Extremes. New York, 1914.

Jarintzoff 1916 — *Jarintzoff N.* The Russians and their language: with an introduction discussing the problems of pronunciation and translation. Blackwell, 1916.

Jarintzoff 1917 — *Jarintzoff N.* Russian poets and poems. New York, 1917.

Jarintzoff 1920 — *Jarintzoff N.* Nicholas Roerich. London, 1920.

Сведения об авторе: Анна Масленова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», магистр; Москва, Россия; e-mail: annamas1995@gmail.com

About the author: Anna Maslenova, University of Exeter, PhD Student; Exeter, England; e-mail: am1237@exeter.ac.uk